

Роловое экспериментирование как составляющая современной подростковой культуры

Рубцова О.В.,

*кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии образования,
руководитель Центра междисциплинарных исследований современного детства, ФГБОУ ВО МГППУ,
Москва, Россия,
ovrubsova@mail.ru*

Статья посвящена феномену ролевого экспериментирования как важнейшей составляющей современной подростковой культуры. Рассматриваются основные направления зарубежных ролевых теорий. Обсуждаются подходы к трактовке понятия «роль» в зарубежной и отечественной психологии. Предпринята попытка посмотреть на подростковую игру как на форму реализации ролевого экспериментирования. Приведены примеры психолого-педагогических исследований, посвященных различным аспектам ролевого экспериментирования как средства развития и социализации современных подростков.

Ключевые слова: подростковый возраст, роль, ролевое экспериментирование, ролевое переживание, подростковая игра.

Для цитаты:

Рубцова О.В. Ролевое экспериментирование как составляющая современной подростковой культуры [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 24–30. doi: 10.17759/jmfp.2016050203

For citation:

Rubtsova O.V. Role experimentation as a part of contemporary teenage culture [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 24–30. doi: 10.17759/jmfp.2016050203 (In Russ., Abstr. in Engl.).

Введение

Среди исследователей подросткового возраста все чаще звучит мнение о том, что многое из описанного психологами несколько десятилетий назад часто оказывается неактуальным, а порой и вовсе не применимым к современным подросткам. Современное подростничество развивается в цифровую эпоху, характеризующуюся не просто новыми средствами связи, но принципиально иными видами культурных орудий и формами опосредования, которые определяют особенности социального взаимодействия, а, следовательно, и специфику развития различных психических процессов. В этой связи необходимым представляется изучение подросткового возраста во всей полноте современного культурно-исторического контекста, что предполагает поиск таких инструментов анализа, которые бы позволяли разрабатывать представление о подростничестве в свете новых реалий. На наш взгляд, интересный ракурс может быть найден в рамках целого ряда ролевых концепций, рассматривающих различные аспекты развития в контексте ролевого самоопределения (ролевой идентификации). В настоящей статье мы обратимся к некоторым из них и попробуем посмотреть на современное подростничество через призму таких понятий, как роль, ролевое экспериментирование, ролевое переживание и игра.

Проблема роли в свете разных концепций

Подавляющее большинство ролевых концепций зародились в зарубежных научных школах (М. Вебер, Ч. Гордон, Н. Гросс, Г. Зиммель, Г. Келли, Р. Линтон, Дж. Мид, Р. Мертон, Я. Морено, Т. Парсонс,

Р. Ромметвейт, Т. Сарбин, Э. Эриксон). Как отмечает Дж. Хейс, из всего многообразия существующих подходов можно выделить как минимум два основных типа ролевых теорий: структуралистские и интеракционистские [14]. Первые исходят преимущественно из социологического понимания ролевого поведения, рассматривая его объективные проявления (Р. Линтон, Р. Мертон, Т. Парсонс). В фокусе вторых оказываются субъективные, или личностные аспекты ролевого поведения, в т.ч. особенности социально-психологических механизмов и закономерностей восприятия и исполнения индивидом различных ролей (Дж. Мид, Г. Блумер, Т. Шибутани).

Структуралистские ролевые теории опираются, в первую очередь, на идеи социального антрополога Р. Линтона, предложившего так называемую статусно-ролевою концепцию, центральными понятиями которой являются «статус» и «роль». Статус в концепции Р. Линтона обозначает то место, которое индивид занимает в системе социальных отношений, а роль, которую автор определяет как «динамический аспект статуса», используется им для описания различных культурных образцов поведения, связанных с определенным статусом, и усваиваемых индивидом по мере его социализации. В структуралистских ролевых теориях роль рассматривается как часть социальной реальности, изначально данной индивиду и являющейся репрезентацией социальной структуры. В свою очередь, личность выступает как функция от совокупности тех социальных ролей, которые индивид исполняет в обществе [16].

Интеракционистские ролевые концепции восходят к теории символического интеракционизма Дж. Миды,

который первым использовал термин «роль» для объяснения акта взаимодействия индивидов в процессе речевой коммуникации. Сторонники данного направления уделяют отдельной личности значительно больше внимания, чем структуралисты. Они рассматривают роль не только как социальный, но и как психологический механизм, благодаря которому становится возможным взаимопонимание и успешная коммуникация между людьми [17].

В отечественной психологии ролевая проблематика долгое время оставалась без внимания. Интерес к ролевым подходам проснулся лишь в 60–70-е годы прошлого века, причем отношение к самой идее социальных ролей у многих исследователей было резко отрицательным. Как отмечает П.В. Носов, «некоторые отечественные ученые либо не до конца понимали смысл самой концепции, либо ее намеренно искажали, приписывая ей черты, которые на самом деле ей ни в коей мере не присущи. Примером такого однобокого и, в конечном счете, неверного истолкования доктрины социальных ролей является утверждение, что социальные роли — это лицемерные маски, которые намеренно и осознанно одевают люди-актеры, тем самым пряча и ломая собственную личность» [5, с. 10–11]. Несмотря на то, что такая трактовка весьма далека от реального содержания ролевых концепций, негативное отношение к этим подходам долгое время господствовало и в определенной степени до сих пор прослеживается в отечественной науке.

Сегодня в российской психологии по-прежнему преобладает социологическое понимание роли, а ролевое поведение крайне редко трактуется как проявление личности [2; 3]. Так, само понятие «роль» наиболее часто используется социологами или социальными психологами, рассматривающими роль преимущественно как социальную функцию. Данная трактовка сводит роль исключительно к социально заданному образцу («паттерну»), который индивид воспроизводит в процессе взаимодействия с окружающими, меняя «паттерны» при переходе из одной социальной ситуации другую. Очевидно, что такой односторонний взгляд полностью оставляет в стороне любые личностные характеристики исполняемой роли — получается, что между личностью и ее ролями образуется как бы некий разрыв, вакуум.

Мы принципиально не согласны с таким подходом и, разделяя позицию целого ряда исследователей (А. Басс, С.Р. Бриггс, А.С. Макэ, С. Страйкер), считаем, что ролевое поведение всегда является *личностно детерминированным*. Именно потому вслед за П.П. Горностаем мы предпочитаем термину «социальная роль» понятие «психологической роли», которая предполагает наличие тесной взаимосвязи между культурно закрепленным ролевым «паттерном» и специфическими особенностями каждого индивида. Психологические роли «тесно связаны с глубинной структурой личности человека и являются по сути одними из форм ее бытия» [2, с. 45]. При таком понимании роли предполагается, что любой социально

заданный образец ролевого поведения не может быть механически «освоен» — он будет обязательно «преломляться» через призму личностных особенностей человека, его индивидуальность. Таким образом, психологическая роль обозначает место встречи индивидуального и социального, личностного и общественного, и она задает принципиально иной ракурс для анализа этого сложного взаимодействия. Подлинное проникновение в сущность ролевого самоопределения возможно лишь путем тесного связывания субъективных аспектов ролевого поведения с объективными общественными отношениями что, на наш взгляд, является особенно актуальным в наиболее сензитивный период ролевого самоопределения — подростничестве.

Ролевое экспериментирование и подростковая игра

Пожалуй, самым известным автором, обратившимся к проблеме роли в контексте подростничества, остается Э. Эриксон. Именно Эриксон ввел в научный обиход понятие ролевой идентичности, которую он рассматривал в качестве важной составляющей чувства идентичности, имеющей истоки в детской «антиципации ролей». Согласно концепции Э. Эриксона, в подростковом возрасте параметр связи с окружающими колеблется между положительным полюсом идентификации «Я» и отрицательным полюсом путаницы ролей (ролевой диффузии). Ролевая спутанность мешает становлению идентичности человека, и потому основной задачей подросткового возраста и является ее преодоление [10]. В центре концепции Э. Эриксона стоит ролевая самоидентификация — т.е. позиционирование подростка в системе социальных ролей и ролевых отношений. Реализация данной возрастной задачи невозможна без осуществления подростками того, что можно обозначить термином *«ролевая проба»* или *«ролевое экспериментирование»*, заключающиеся в проигрывании подростком различных образцов ролевого взаимодействия, существующих в его культуре. Такое «опробование» является важнейшей составляющей процесса ролевой самоидентификации и тесным образом связано со становлением личности субъекта, развитием его самосознания.

Можно предположить, что в основе ролевого экспериментирования подростков лежит мотив удовлетворения потребности в *ролевом переживании*. П.П. Горностай рассматривает ролевое переживание как «потребность в новом чувственном опыте, получаемом личностью в процессе исполнения ролей (не только реальных, но и воображаемых, а также искусственно моделируемых — театральных, психодраматических и тому подобное) и в процессе творческого самовыражения. Ролевое переживание включает в себя гораздо больше положительных эмоциональных компонентов, чем отрицательных, а поэтому, являясь столь притягательным для личности (в отдельных случаях оно поднимается до уровня духовного наслаждения, в

других – выступает как очищающий катарсис), оно является эффективным средством формирования личности» [3, с. 18].

На наш взгляд, потребность в ролевом переживании в подростковом возрасте приобретает характер острой необходимости, что легко объясняет стремление подростков опробовать себя как можно в большем количестве разнообразных образов и ролей (спортсмен, игрок, лидер и др.). Как отмечает А.М. Прихожан, «ролевое экспериментирование буквально пронизывает всю жизнь подростка – от «поиска границ допустимого поведения» до постановки и виртуального решения смысловых задач. Последнее наиболее часто проявляется в мысленном «проигрывании» будущих профессиональных и личностных ролей» [7]. Логично, что важнейшей возрастной задачей подросткового возраста становится поиск того, что К.Н. Поливанова называет пространством «пробности» [6] – пространства, где подросток мог бы экспериментировать, причем в первую очередь – с ролями и образами. В большинстве случаев таким пространством для подростка становится **игра**.

На сегодняшний день отечественная психолого-педагогическая наука отводит игровой деятельности весьма второстепенную роль в развитии и социализации подростков. Большинство отечественных авторов придерживаются точки зрения, что к подростковому возрасту игра утрачивает свое специфическое значение, уступая место другим видам деятельности [8]. Действительно, в подростковом возрасте игра уже по определению не может выполнять те функции, которые она выполняет в психическом развитии детей более младших возрастов, поскольку речь идет о принципиально новом уровне развития, иных новообразованиях и иных потребностях. Однако, если считать, что к наступлению подросткового возраста игровая деятельность «исчерпывает» свои возможности, то как объяснить тот факт, что значительная (если не большая) часть увлечений и занятий подростков, которым они посвящают свободное время, имеет характер игры? Здесь правомерно говорить, прежде всего, о различных видах компьютерных игр, которые буквально «захватывают» подростковую аудиторию из разных континентов и стран, и которым подростки с каждым годом посвящают все больше свободного времени. Здесь же необходимо вспомнить о спортивных, настольных, интеллектуальных играх подростков, о растущей популярности разнообразных ролевых движений, активность которых чаще всего принимает форму театрализованного действия и/или игры (толкиенисты и др.). Нельзя не упомянуть и о социальных сетях, важнейшим элементом которых является экспериментирование с различными способами самопрезентации в виртуальной реальности.

По сути, все формы подросткового досуга имеют те или иные признаки, свойственные игре, что, по мнению ряда авторов, позволяет говорить об игровой сущности подростковой субкультуры в целом. Так,

В.В. Абросимов, например, указывает на то обстоятельство, что для молодежной субкультуры не просто характерен игровой элемент, но что в основе ее в принципе лежит игровая природа. По мнению автора, «в молодежной субкультуре нередко слияние границ между игрой и деятельностью, что проявляется в театрализации, артизации, «карнавальности», импровизированности жизни» [1, с. 25]. Таким образом, общепринятое в психологической науке представление о том, что игра в подростковом возрасте отходит на второй план, резко контрастирует с реальной практикой подростковой жизни. Как отмечает А.М. Прихожан, контрастирует оно и с эффективным педагогическим опытом, в котором именно игра оказывается в центре жизни старших подростков [7].

Можно предположить, что привлекательность игровой ситуации для подростков обусловлена ее вариативностью: по своей сути, игра всегда является экспериментом, в ходе которого участник игрового процесса постоянно попадает в ситуацию выбора, от которого зависит дальнейшее развитие и исход игры – К.Ф. Ибашян называет это активной формой экспериментального поведения [4]. Любая ситуация, возникающая в процессе игрового взаимодействия, вариативна в силу неповторимости условий ее реализации, что предполагает возникновение объективной необходимости в саморегуляции действий, т.е. в регуляции на основе образа ситуации, условий действия. Таким образом, подростковую игру правомерно рассматривать в качестве возможной формы реализации ролевого экспериментирования.

Актуальным, в этой связи, представляется изучение различных аспектов ролевого экспериментирования в контексте развития и социализации современных подростков.

Ролевое экспериментирование в психолого-педагогических исследованиях: проблемы и перспективы

В течение нескольких лет нами ведется работа по изучению особенностей ролевого экспериментирования подростков и юношей в различных социо-культурных контекстах.

В 2012 году нами была защищена кандидатская диссертация на тему: «Преодоление внутреннего ролевого конфликта у старших подростков посредством сюжетно-ролевой игры». В работе было показано, что специально организованные игры, включающие возможность для экспериментирования с различными видами игровых ролей, могут стать эффективным средством развития и обучения подростков, а также способствовать преодолению ими внутренних противоречий и конфликтов [8].

В 2012–2014 гг. в рамках международного исследовательского проекта «Global Perspectives on Learning and Development with Digital Video-Editing Media: A Qualitative Inquiry in Everyday Lives of Marginalized

Young People», проходившего под эгидой программы «Marie Curie Actions»¹ при участии исследовательских групп из России, Бразилии, Великобритании, Германии, Греции, Индии и Нидерландов, нами была предпринята попытка рассмотреть особенности ролевого экспериментирования в условиях применения цифровых технологий. На примере съемок автобиографического фильма студентом с ОВЗ было показано, что ролевое экспериментирование может способствовать развитию рефлексии [18].

В 2014–2015 гг. в совместной работе с Л.Б. Кривошеевой нами были рассмотрены возможности применения ролевого экспериментирования при организации проектной деятельности подростков. Было показано, что ролевое экспериментирование позволяет превратить учебную проблему в личностно значимую для подростка задачу и обе-

щает его эмоциональную вовлеченность в процесс обучения [9].

В 2015 г. в рамках исследовательского проекта «Being Other: the Effectiveness of Arts-based Approaches in Engaging with Disaffected Young People», проводившегося факультетом Образования Оксфордского Университета Великобритании, в составе исследовательской группы под руководством профессора Г. Дэниелса нами были рассмотрены возможности применения ролевых игр как средства социализации детей и подростков, оказавшихся в сложной жизненной ситуации и/или потерявших интерес к обучению. В результате исследования было показано, что специально организованные ролевые игры создают условия для повышения учебной мотивации, позволяют развивать коммуникативно-рефлексивные навыки и способствуют социализации подростков [11].

Работа выполнена при финансовой поддержке Marie Curie International Research Staff Exchange Scheme Fellowship within the 7th European Community Framework Program (Project № 318909).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абросимов В.В.* Молодежные субкультуры в процессе развития и идентификации: Дис. канд. культуролог. наук. Краснодар, 2006. 150 с.
2. *Горностай П.П.* Диагностика и коррекция ролевых конфликтов // Журнал практического психолога. 1999. № 1. С. 44–51.
3. *Горностай П.П.* Личностные характеристики ролевого поведения // Вісник Харківського держ. університету. 1999. № 439. С. 18–22.
4. *Ибашян К.Ф.* Воспитание культуры общения подростков в сюжетно-ролевой игре: Дис. канд. пед. наук. СПб, 2007. 156 с.
5. *Носов П.В.* Социальные роли как фактор организации общественных отношений; Дис. канд. фил. наук. Москва, 2009. 150 с.
6. *Поливанова К.Н.* Кризисы психического развития: соотношение взрослого и детского действия. Педагогика и психология возрастных кризисов // Сборник науч. ст. по материалам 7-й науч.-практ. конф. Красноярск: КГУ, 2000. 227 с.
7. *Прихожан А.М.* К проблеме подростковой игры // Вестник. РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2015. № 4. С. 37–46.
8. *Рубцова О.В.* Преодоление внутреннего ролевого конфликта у старших подростков посредством сюжетно-ролевой игры: Дис. канд. психол. наук. М., 2012. 119 с.
9. *Рубцова О.В., Кривошеева Л.Б.* Проектирование как способ организации учебной деятельности подростков (на примере технического моделирования) // Психологическая наука и образование. 2015. Том 20. № 3. С. 133–146.
10. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 352 с.
11. Being Other: the Effectiveness of Arts-based Approaches in Engaging with Disaffected Young People (report) / A. Tawell, [et al.]. University of Oxford, Department of Education, 2015. 39 p.
12. *Buss A.H., Briggs S.R.* Drama and the self in social interaction // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. Vol. 47. № 6. P. 1310–1324. doi: 10.1037/0022-3514.47.6.1310
13. *Daniels H., Downes E.* Identity and creativity [Электронный ресурс]: The transformative potential of drama lessons // Journal of Modern Foreign Psychology. 2014. Vol. 3. № 2. P. 41–71. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2014/n2/70106.shtml> (дата обращения: 07.06.2016).

¹ Полученные данные свидетельствуют об исключительном потенциале ролевого экспериментирования в контексте обучения, развития и социализации современных подростков.

В то же время, необходимо отметить, что на сегодняшний день различные аспекты ролевого экспериментирования подростков остаются крайне мало изученными – в первую очередь, в отечественной психолого-педагогической науке. Сегодня в России ощущается острая необходимость в разработке и внедрении культурных средств, которые позволяли бы подросткам эффективно удовлетворять потребность в ролевом переживании. В этой связи особую актуальность представляют попытки создания специализированных пространств, где подростки могли бы в реальной жизни осуществлять «ролевую пробу». На наш взгляд, именно культурно организованная среда, предусматривающая возможности для реализации подростковой «пробы», может стать мощным ресурсом, помогающим современным подросткам в процессе их ролевого самоопределения и социализации.

14. *Heiss J.* Social roles. *Sociological Perspectives on Social Psychology*. N.Y., 1981. 776 p.
15. *Hughes J., Wilson K.* Playing a part: The impact of youth theatre on young people's personal and social development // *Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance*. 2004. Vol. 9. №. 1. P. 57–72. doi:10.1080/1356978042000185911
16. *Linton R.* The Study of Man. Oxford, England: Appleton-Century. 1936. 503 p.
17. *Mead G.H.* Mind, Self, Society. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 400 p.
18. *Rubtsova O.V., Ulanova N.S.* Digital Media as a Means of Developing Reflection in Students with Disabilities: Cultural-Historical Perspective // *Tätigkeitstheorie: E-Journal for Activity Theoretical Research in Germany*. 2014. Vol. 12. № 1. P. 95–118.
19. *Stryker S., Macke A. S.* Status inconsistency and role conflict // *Annual Review of Sociology*. 1978. Vol. 4. P. 57–90. doi: 10.1146/annurev.so.04.080178.000421
20. *Wright P.R. and Rasmussen B.* Children and drama: Knowing differently // *Children's ways of knowing: Learning through experience* / [Eds.] M. Robertson, R. Gerber. Camberwell: ACER Press, 2001. P. 218–232.

Role experimentation as a part of contemporary teenage culture

Rubtsova O.V.,

candidate of psychological sciences, associate professor, chair of developmental psychology Department of Psychology of Education, Head of the Center for Interdisciplinary Investigation of Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ovrubsova@mail.ru

The article focuses on the phenomenon of role experimenting as an important component of contemporary adolescent culture. Main directions of foreign role theories are presented. Approaches to the interpretation of the concept of “role” in foreign and Russian psychology are discussed. An attempt is undertaken to analyze adolescent play as a possible form of role experimenting. Examples of psychological and educational research on various aspects of role experimenting as a means of development and socialization of contemporary adolescents are given.

Keywords: adolescence, role, role experimenting, role experience (“perezhivanie”), adolescent play.

This work was supported of Marie Curie International Research Staff Exchange Scheme Fellowship within the 7th European Community Framework Program (Project № 318909).

REFERENCES

1. Abrosimov V.V. Molodezhnye subkul'tury v protsesse razvitiya i identifikatsii [Youth subcultures in the development and identification]: Dis. kand. kul'turolog. nauk. Krasnodar, 2006, 150 p. (In Russ.).
2. Gornostai P.P. Diagnostika i korrektsiya rolevykh konfliktov [Diagnostics and correction of role conflicts]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa [Journal of Practical Psychology]*, 1999, no. 1, pp. 44–51. (In Russ.).
3. Gornostai P.P. Lichnostnye kharakteristiki rolevogo povedeniya [Personal characteristics of role behavior]. *Visnik Kharkivs'kogo derzh. Universitetu [News Harkivskogo keep. universitetu]*, 1999, no. 439, pp. 18–22.
4. Ibashyan K.F. Vospitanie kul'tury obshcheniya podrostkov v syuzhetno-rolevoi igre [Education of culture of dialogue of teenagers in the plot-role-playing game]: Dis. kand. ped. nauk SPb, 2007, 156 p. (In Russ.).
5. Nosov P.V. Sotsial'nye roli kak faktor organizatsii obshchestvennykh otnoshenii [Social role as a factor in the organization of social relations]: Dis. kand. fil. nauk. Moscow, 2009, 150 p. (In Russ.).
6. Polivanova K.N. Krizisy psikhicheskogo razvitiya: sootnoshenie vzroslogo i detskogo deistviya. Pedagogika i psikhologiya vozrastnykh krizisov [The crises of mental development: the ratio of adult and children's activities. Pedagogy and Psychology of age crises]. *Sbornik nauch. st.po materialam 7-i nauchn.-prakt. konf. [Collected articles on materials of the 7th scientific conference]*, Krasnoyarsk: KGU, 2000, 227p. (In Russ.).
7. Prikhozhan A.M. K probleme podrostkovoi igry [On the problem of teenage games]. *Vestnik. RGGU [Herald. RSUH]. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»*, 2015, no. 4, pp. 37–46. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Rubtsova O.V. Preodolenie vnutrennego rolevogo konflikta u starshikh podrostkov posredstvom syuzhetno-rolevoi igry [Overcoming internal role conflict at the senior teenagers by means of the plot-role-playing games]: Dis. ... kand. psi- khol. Nauk. Moscow, 2012, 119 p. (In Russ.).
9. Rubtsova O.V., Krivosheeva L.B. Proektirovanie kak sposob organizatsii uchebnoi deyatel'nosti podrostkov (na primere tekhnicheskogo modelirovaniya) [Design as a way of organizing educational activity of teenagers (on technical modeling example)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2015, vol. 20, no. 3, pp. 133–146. (In Russ., abstr. in Engl.)
10. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and Crisis]. M.: Flinta, 2006, 352 p.
11. Being Other: the Effectiveness of Arts-based Approaches in Engaging with Disaffected Young People (report). A. Tawell, [et al.]. University of Oxford, Department of Education, 2015, 39 p.
12. Buss A.H., Briggs S.R. Drama and the self in social interaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1984, vol. 47, no 6, pp. 1310–1324. doi: 10.1037/0022-3514.47.6.1310
13. Daniels H., Downes E. Identity and creativity [Electronic resource]: The transformative potential of drama lessons. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2014, t. 3, no. 2, pp. 41–71. Available at: <http://psyjournals.ru/jmfp/2014/n2/70106.shtml> (Accessed: 07.06.2016).
14. Heiss J. Social roles. *Sociological Perspectives on Social Psychology*. N.Y., 1981, 776 p.
15. Hughes J, Wilson K. Playing a part: The impact of youth theatre on young people's personal and social development. *Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance*, 2004, vol. 9, iss. 1, pp.57–72. doi:10.1080/1356978042000185911
16. Linton R. *The Study of Man*. Oxford, England: Appleton-Century. 1936. 503 p.

-
17. Mead G.H. *Mind, Self, Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 400 p.
 18. Rubtsova O.V., Ulanova N.S. Digital Media as a Means of Developing Reflection in Students with Disabilities: Cultural-Historical Perspective. *Tätigkeitstheorie: E-Journal for Activity Theoretical Research in Germany*, 2014, vol. 12, no. 1, pp. 95–118.
 19. Stryker S., Macke A.S. Status inconsistency and role conflict. *Annual Review of Sociology*, 1978, vol. 4, pp. 57–90. doi: 10.1146/annurev.so.04.080178.000421
 20. Wright P.R. and Rasmussen B. Children and drama: Knowing differently. *Children's ways of knowing: Learning through experience*. M. Robertson, R. Gerber, [eds.] Camberwell: ACER Press, 2001, pp. 218–232.